

А. Д. ХЛУТКОВ

ГЛОБАЛЬНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ МИРА И РЕГИОНАЛЬНАЯ РОССИЙСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ

Вопрос об оценках эволюции общественного развития достаточно сложен, но, строго говоря, не оригинален. Все аспекты трансформации общества подчиняются примерно одной и той же логике, основанной на гегелевской диалектике, в том числе диалектике войны и мира. Как известно, Георг Вильгельм Фридрих Гегель внес фундаментальный вклад в философское и культурологическое осмысление данного вопроса.

Выявление перехода количественных изменений в качественные – также достижение немецкого философа. Значительные количественные изменения в современной глобальной политике и экономике были заметны давно. Очевидно, что с точки зрения теории управления мы уже достигли периода качественных изменений, выраженного в переходе от глобального к региональному уровню управления.

Следующий принципиально важный вопрос при анализе характера перемен современного мира — о соотношении понятий «трансформация» и «модернизация». По нашему мнению, любая модернизация — это трансформация. Однако обратного утверждать нельзя.

Модернизацией будет являться та трансформация, которая способствует социальному и экономическому прогрессу. Именно так развивалась Европа в эпоху промышленной революции и завершения колониальных захватов. Для колоний эта эпоха ничего хорошего не обещала, но для метрополий была успешна и привела к формированию модели общества, которая с определенными поправками просуществовала до

экономического кризиса 2007-2009 гг. Способом распространения положительных эффектов трансформации стала экономическая интеграция.

Известный экономист В. Уоллес трактует экономическую интеграцию как «создание и поддержание интенсивных и разносторонних систем взаимодействия между ранее автономными частями».¹ Это классическое определение требует уточнения. Вопреки либеральной теории, далеко не все ранее автономные части готовы интегрироваться даже в случае полного признания экономических выгод. Здесь очень велико значение цивилизационных, культурологических факторов.

Значительное число экспертов и политиков Украины были готовы признать выгоды интеграции страны на восток, но не считали это возможным именно из-за культурных факторов. Более того, если на определенном этапе квази-интеграция возникает «Чимерика», то затем при возникновении сложностей система опять возвращается к изначальной форме. Химеры региональной интеграции не обеспечивают стратегической модернизации. Такими химерами являлась «Чимерика», а возможно и блок Евроатлантика-США.

Возможен и иной вариант: трансформации, приведшие к деградации экономической системы. Такие случаи в мире есть и их становится все больше. К примеру, «потерянное десятилетие» в Латинской Америке 1980-ых гг., когда структурные реформы «по рецептам» МВФ привели к катастрофическому снижению уровня жизни и серьезному снижению промышленного потенциала ряда латиноамериканских стран. Причины возникновения таких ситуаций, как мы видим, зачастую связаны не только с экономикой, но и с цивилизационными различиями. При усложнении внутренних и внешних

¹ Wallace W., The Dynamics of European Integration. L., 1990, p.9.

условий разломы проходят именно там, где различия культурных кодов усложняют и углубляют экономические разногласия. Протекционизм в данном случае становится новым феноменом со старым названием.²

Попробуем еще раз оценить ситуацию в мировой экономике. «Накопление глобальных дисбалансов сопровождается негативными внешними эффектами. Так, глобальные дисбалансы могут способствовать трансмиссии экономических шоков от одной экономики в другую, представляя угрозу для финансовой стабильности, повышая уязвимость стран к финансовым кризисам».³ Какие же варианты решения проблемы?

Отметим то, что и российские, и западные исследователи «привыкли мыслить глобально или в рамках регионов, анализируя основные макроэкономические показатели. И все реже встречаются исследования национальных деталей, а ведь дьявол кроется именно в них».⁴ Соответственно возникает проблема регионирования, т.е. диагностики регионов уже существующих или тех, которые могут возникнуть.

В XXI веке макрорегион будет жизнеспособен, если страны, входящие в него, сделают возможным постоянное научно-техническое и промышленное развитие для создания и поддержания на своей территории собственных технологий и инфраструктуры, обеспечивающих все отрасли экономики, а в критических жизненно-важных направлениях - ещё и независимость от внешних технологий иных мировых зон. Макрорегион не должен зависеть от

² Мальцев А., Чичилимов С. Укоренение неопротекционизма в мировой экономике XXI века. Мировая экономика и международные отношения, 2025, т. 69, № 4, сс. 5-14.

³ А.В. Божечкова, С.И. Колесник, П.В. Трунин Глобальные экономические дисбалансы в современном мире // Российский внешнеэкономический вестник №3 2025 с.25

⁴ Переход стран Центрально-Восточной Европы от социализма к капитализму: особенности и результаты: Сборник статей // Под ред. С.П. Глинкиной, Н.В. Куликовой. – М.: Институт экономики РАН, 2016. С.11

возможности или невозможности приобретения импортных промышленных товаров, компонентов и техники, особенно в условиях геополитической конкуренции или внешних угроз, включая экономические кризисы и пандемии.

В этом случае государства и региональные блоки могут скатиться в архаику. Китай без текущих масштабов внешней торговли рискует именно этим. Европа без своего либерального прозелитизма, также обречена на деградацию и архаику. В отличие от России, для которой разумная сепарация — гарантия эффективного развития.

Трансформационная, или переходная, экономика как для мира, так и для России представляет собой особое состояние экономической системы, когда она функционирует в период перехода общества от одной сложившейся модели (системы) к другой. При этом главная характеристика трансформирующейся системы — это постепенная замена ранее устойчивых взаимосвязей между элементами и подсистемами, при этом сама система продолжает существовать.

Трансформационный период — это временной отрезок, в течение которого общество осуществляет радикальные экономические преобразования, но не революцию. При этом экономика страны переходит в новое, чаще количественно новое, а не качественно иное состояние.

Трансформационная экономика характеризуется чертами, отличающими ее от других сложившихся систем. С нашей точки зрения, современное состояние ведущих экономик позволяет говорить о завершении процессов радикальной ее трансформации. Трансформация же политической системы, как мы считаем, завершилась существенно раньше, но это не является темой данной статьи.

На определенном этапе логика представителей либеральной школы в экономической и политической теории заключалась в том, что «модернизационная теория, опирается на междисциплинарный подход к объяснению и обоснованию процессов социально-экономического развития...».⁵ С этим трудно спорить, но реально в основе теории модернизации оказались «разработанные на Западе концепции прорывного развития экономически слаборазвитых государств (мирохозяйственной периферии) за счет адаптации капиталистических институтов...».⁶

Иными словами, та версия теории модернизации, которая добровольно-принудительно была имплементирована на пространстве от Улан-Батора до Праги, являлась сильным упрощением действительно комплексной, сложной и интересной группы научных подходов, связанных с эволюцией рыночной экономики с конца XIX века по настоящее время.

Диагностика ключевых тенденций общественного развития всегда представляет собой сложную задачу. Иэн Шапиро в своей программной работе «Бегство от реальности в гуманитарных науках» фиксировал «удивление экономистов по поводу того, что их теории не смогли дать им ни инструментов для понимания кризиса, ни средств свести его на нет, раз уж он успел начаться».⁷ Это было написано к кризису 2008-2009 гг., но справедливо для любого кризиса вообще. Кризис управления — это практически всегда ситуация осмысления пройденного пути, а не только прогнозирования

⁵ Модернизация России: условия, предпосылки, шансы. Сборник статей и материалов. Выпуск 2 / Под ред. В.Л. Иноземцева. — Москва, Центр исследований постиндустриального общества, 2009. с.7

⁶ Лобанов М.М., Глинкина С.П. Проблемы эволюции теории компаративного капитализма с середины XX в. (на примере развитых стран мира). Экономическая наука современной России. 2019;(4): с.8-9. [https://doi.org/10.33293/1609-1442-2019-4\(87\)-7-20](https://doi.org/10.33293/1609-1442-2019-4(87)-7-20)

⁷ Шапиро И. Бегство от реальности в гуманитарных науках // пер. с англ. Д. Узланера; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики» М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011 С.11

будущего. Отметим, что книга И. Шапиро не встретила адекватного восприятия. Парадигма «наслаждения существующим» победила на том этапе и лишь после тяжелых, но неизбежных российских решений, и выборов в США ее начали аккуратно переоценивать.

Глобализация мировой экономики после 2007 года перестала быть постулатом, на который опиралось мировое управление экономикой. Не только национальные правительства, но и мощные интеграционные объединения, к примеру Европейский Союз, оказываются сугубо подчиненными по отношению к американскому центру экономического могущества. Еще 10 лет назад можно было бы говорить о том, что «управляют изменениями государства западного цивилизационного типа, прежде всего США, а используется для этого – выборочно и целенаправленно – весь набор нормативного инструментария: универсальные, региональные, межрегиональные, двусторонние договоры, одностороннее регулирование, международные обычаи, регулирование посредством неправовых норм, мягкого права, методы транснационального и наднационального регулирования и т.д.».⁸ Сегодня категория «государства западного цивилизационного типа», что-либо определяющие, - это США и только США. Европейский Союз таковыми возможностями уже не обладает.

Мы исходим из того, что глобализация, как управленческий режим, могла осуществляться исключительно сверхдержавой, играющей роль не просто лидера, но суперарбитра. Предполагалось, что такой режим гарантирует максимальную прибыль от участия в мировом производстве и, особенно в международной торговле. Выяснилось, однако, то, что «активизировались процессы регионализации и, особенно в посткризисный

⁸ Шумилов В.М. Международный экономический правопорядок //Российский внешнеэкономический вестник 3 - 2016 с.98

период, трансрегионализации. Они приводят к формированию экономических союзов, в рамках которых снимаются практически все тарифные и нетарифные барьеры для свободного движения товаров, услуг и инвестиций»,⁹ при этом для внешних факторов барьеры не только не снимаются, но растут до запретительного уровня. И, наконец, суперарбитр – США, решил пересмотреть свою роль.

Подведем итоги.

Сегодня Россия оказалась перед необходимостью строить уникальную модель модернизации, способную сочетать значимые элементы интеграции в глобальные технологические и экономические процессы с сохранением стратегической автономности.

Специфика момента в том, что глобальная ревизия управленческих моделей затрагивает и экономику, и политику, а категории «война» и «мир» совсем не обязательно подразумевает исключительно классические военные действия. «Обычно война и мир рассматриваются как состояния, противоположные друг другу. Будучи совершенно различными (в одной ситуации господствует война, в другой — мир), они, вероятно, все же взаимно обуславливают друг друга».¹⁰

При этом «состояние войны является абсолютным стрессом для всех аспектов национальной и государственной системы, в первую очередь вооруженных сил».¹¹ Попытки запустить масштабные реформы сталкиваются с дилеммой: с одной стороны, модернизация требует открытости, конкуренции

⁹ Хейфец Б.А. Метаморфоза экономической глобализации. М.: Институт экономики РАН, 2018 с.10

¹⁰ Хофмайстер Х. Воля к войне, или Бессилие политики. Философско-политический трактат / Пер. с нем. и послесл. О. А. Коваль. — СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2006. С. 21

¹¹ Новая "Нормальность" войны. Директор ЦАСТ Руслан Пухов на Грушинской конференции <https://bmpd.livejournal.com/4815781.html> 11.04.24.

и развития человеческого капитала; с другой — глобальная нестабильность и внешнеполитическое давление усиливают ориентацию на мобилизационные модели управления.

Представляя эту цену, Россия оказалась готова ее заплатить, а представляя тяжесть этих решений, она выразила готовность поддержать их силой. Таким образом, модернизация России проходит в противоречивом контексте: одновременно как ответ на внешние вызовы и как средство внутренней консолидации, что делает её ход довольно непростым и требующим стратегического осмысления на новом уровне.